

дворного политеса и пристрастие к ним, свободное владение польским и латинским языками, наконец, подчеркнутое пренебрежение самозванца к отправлению обрядов Православной церкви и нескрываемое предпочтение католичества. На последнее обстоятельство митрополит обращает особое внимание. Платон ссылается на опубликованные князем Щербатовым грамоты самозванца, в которых говорилось «о папских притязаниях через иезуитов ввести в России римский закон» (II, 153). Мало того, Платон приводит факты реальных попыток самозванца ввести на Руси католическую веру: «Во угождение иезуитам и чтоб сделать первый опыт противу веры нашей предприятия, велел Гришка дать Иезуитам некоторые Российские церкви, чтоб оные превратить в костелы Латинские» (II, 154).

Возникает естественный вопрос, чем было вызвано такое повышенное внимание, которое уделяет митрополит Платон обозначенному аспекту церковной истории, связанному с постоянными притязаниями римского престола на подчинение православия своему влиянию. Актуальность этой проблемы вытекала из того незавидного положения, в котором оказалась Русская церковь в XVIII в. после уничтожения патриаршества и ограничения самостоятельности монастырей при Петре I. Эти меры правительства означали фактически санкционированную свыше скрытую реформу. На это в свое время уже обратил внимание Г. Флоровский, видевший в церковных реформах Петра I сознательное и целенаправленное «лишение церкви самостоятельности и независимого круга дел — ибо государство все дела стало считать своими».¹² По справедливому заключению Г. Флоровского, «духовенство в России становится „запуганным сословием“, отесняясь в социальные низы. А наверху устанавливается двусмысленное молчание».¹³ Оставаясь официально государственной религией, православие в XVIII в. начинает утрачивать свое прежнее значение духовной опоры национального менталитета. Этому способствовала нередко политика правительства, поощрявшего порой внедрение протестантизма в конфессиональное поле страны. История с запретом опубликования «Камня веры», антипротестантского памфлета, написанного местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским в 1713 г., может служить этому подтверждением.¹⁴

Новый виток ужесточения секуляризационных тенденций в политике высшей власти по отношению к Церкви приходится на

¹² Флоровский Г. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж, 1988. С. 83.

¹³ Там же.

¹⁴ Содержание и судьба книги Стефана Яворского были детально проанализированы в магистерской диссертации Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (Сочинения Ю. Ф. Самарина. М., 1880. Т. 5. С. 34—58).